

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-10-29

УДК 329.7

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ «ОТТЕПЕЛИ»
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х ГОДОВ
НА МАТЕРИАЛАХ ПРОФСОЮЗОВ И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ТЕХНИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ
ОБЩЕСТВ РЕГИОНА**

Першиков А. Н.

Рассматриваются изменения в структуре, кадровом составе, в сфере практической деятельности профсоюзов и общественных технических организаций и научно-технических обществ Западно - Сибирского региона во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов. Прослеживается влияние общесоюзных и региональных факторов на содержание, характер и результаты трансформации.

Цель

Проанализировать процесс трансформации общественных организаций Западной Сибири во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х годов, выявить характерные тенденции и региональные особенности в его развитии.

Метод или методология проведения работы

проблемно-хронологический метод, историко-системный, статистический метод.

Результаты

Установлено, что общественные организации претерпели определенные изменения, утратили зависимость от государственных структур, расширили область своей деятельности, но они всецело оставались в сфере партийного

контроля и действия, не приобрели должной самостоятельности и независимости практического действия.

Область применения результатов: научные исследования и подготовка учебных пособий в области исторического знания.

Ключевые слова: общественные организации; профсоюзы; функции; структура; трансформация; сфера деятельности.

**TRANSFORMATION OF PUBLIC ORGANIZATIONS IN WESTERN
SIBERIA WITHIN THE CONTEXT OF THE “THAW” DURING LATE
1950s-EARLY 1960s BASED ON MATERIALS OF REGIONAL TRADE
UNIONS, PUBLIC ENGINEERING ORGANIZATIONS, AND TECHNICAL
AND SCIENTIFIC SOCIETIES**

Pershikov A.N.

The paper studies the changes in the structure, personnel, and areas of practical activity of the trade unions, public engineering organizations and technical and scientific societies in the West Siberian region during late 1950s – early 1960s. The impact of national and regional factors on the transformation content, character, and results is investigated.

Objective

Analyze the transformation process of public organizations in Western Siberia during late 1950s-early 1960s, reveal the characteristic trends and regional specific features.

Method or methodology of the study: problem and chronological method, historical-and-systematic method, statistical method.

Results: it was established that public organizations experienced certain changes, lost the dependence on government institutions, enlarged the area of activity, but they complementely remained in the field of the party control and

operations, did not acquire the proper self-reliance and independence of practical actions.

Results application scope: scientific research and preparation of training in the field of historical knowledge.

Keywords: transformation; structure; public organization; trade unions; area of activity; functions.

Начавшийся в СССР в 1950-е годы процесс дестанализации породил ряд сложных проблем, связанных с преодолением наследия прошлого, в том числе и в деятельности общественных организаций. За годы сталинизма они значительно ограничили и дискредитировали (и без того лишённые в советское время самостоятельности) свои функции. Многие из них оказались в сфере не только партийного, но и государственного контроля и действия. Они практически превратились в придаток государственных структур, а некоторые из них вообще прекратили свою деятельность. К середине 1950-х гг. в стране насчитывалось свыше 4 млн рабочих и служащих, которые не были охвачены профсоюзами [1].

Ситуация, сложившаяся с профсоюзами в СССР, не могла не озадачить новое руководство страны, взявшее курс на дестанализацию советского общества. Во-первых, профсоюзы являлись своеобразным олицетворением и показателем советской демократии, участия рабочего класса в управлении производством, во-вторых, через них контролировалось настроение масс, в-третьих, с их помощью осуществлялась мобилизация трудовых коллективов на решение тех или иных политических и народнохозяйственных задач. Поэтому трансформация и активизация профсоюзов становились одной из назревших задач периода «оттепели». В июне 1958г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил Положение о правах фабричного, заводского, местного комитета (ФЗМК). Новое положение расширяло сферу деятельности профсоюзов, предоставляло возможность участвовать им в охране труда, решении

социально-бытовых и других жизненно важных проблем трудовых коллективов. Без согласия профсоюзных комитетов администрация не могла уволить рабочих и служащих, изменять тарифные разряды и нормы выработки [2]. Разумеется, утвержденное положение не изменяло, и не могли изменить кардинально роль профсоюзов в советской политической системе, в жизнедеятельности рабочих коллективов, но оно выводило их из сферы контроля и действия административных структур, предоставляло некоторую самостоятельность практического действия.

Большое значение проблемы преобразования и активизации деятельности профсоюзов приобретала для восточных районов страны, в том числе и для Западной Сибири. В те годы на ее территории создавались новые предприятия, целые отрасли промышленности, а следовательно, формировались новые трудовые коллективы, которым были необходимы общественные организации, чтобы консолидировать эти коллективы, наработать их корпоративные интересы. В свою очередь освоение природных богатств, наращивание производственных мощностей осуществлялось в экстремальных условиях, на больших расстояниях, и здесь, как нигде, остро стояла проблема улучшения условий труда и быта производственных коллективов. Все эти и другие факторы и обстоятельства регионального порядка не только актуализировали, но и существенно осложняли практическое решение вышеназванных проблем.

Перемены в общественно-политической жизни страны – с одной стороны, освоение новых территорий и наращивание производственных мощностей – с другой стороны, создали благоприятные предпосылки для увеличения численности профсоюзов в восточных регионах страны, том числе и в Западной Сибири. Если в середине 1950-х годов они объединяли 2 443,2 тысячи рабочих и служащих этого восточного региона страны, то в начале 1960-х годов уже 3 580,6 тысячи человек. Профсоюзным членством было охвачено

свыше 90 % трудящихся региона[3]. Однако проблема увеличения численности профсоюзов решалась здесь гораздо сложнее, чем в центральных регионах страны. Это было связано, прежде всего, с действием таких специфических региональных факторов, как формирование новых трудовых коллективов, большой приток рабочей силы, как из других регионов страны, так и из мест заключения. Последняя категория рабочих весьма трудно воспринимала организационные начала, в том числе и вступление в члены профсоюза. Рост численности профсоюзов – с одной стороны, производственная и территориальная специфика – с другой стороны, потребовали поиска и внедрения своеобразных, неординарных профсоюзных структур, таких как территориальные, городские, районные комитеты профсоюзов. Наиболее широкое распространение данные структуры получили в Кемеровской области, где была высокая плотность городского населения, где было много рабочих поселков, на территории которых действовали как крупные, так и небольшие разнопрофильные мелкие предприятия. В 1960г. на территории области, помимо 15 областных отраслевых комитетов профсоюза, действовали 146 городских и районных комитетов, 10 территориальных комитетов и 3 групповых комитета профсоюза [4].

Преобразования профсоюзов потребовало решения и других проблем, в том числе и такой важной как проблема обновления их актива. Поскольку тот актив, который сформировался и утвердился в условиях сталинизма, как по своему возрасту, уровню образования, так и по характеру своей практической деятельности явно не соответствовал требованиям времени. Он не мог поддержать и развить начатые в стране и ее трудовых коллективах перемены. Необходимо было обновление и качественное улучшение профсоюзного руководства. Однако осуществлялось оно неодинаково как по отдельным регионам, так и отраслевым профсоюзам. Наиболее ощутимые и быстрые перемены проходили в профсоюзах химической и нефтяной,

электротехнической промышленности, т. е. в тех профсоюзных организациях, т. е. в тех профсоюзных организациях, которые действовали на передовых, высокотехнологичных предприятиях того времени. Поэтому они формировались и пополнялись в основном молодым и средним поколением, имевшим должный общеобразовательный уровень, стремившимся к карьерному росту, в том числе и в сфере общественной деятельности. Здесь не было той инертности, той покорности, того консерватизма, которые сложились и укрепились за годы сталинизма в производственных коллективах других отраслей промышленности. Сложнее и труднее протекал этот процесс в традиционных отраслях промышленности, и прежде всего на угольных предприятиях Кузбасса, где был своеобразный состав коллективов, низкий уровень механизации производства, и как следствие, тяжелые условия труда, невысокий уровень образования горнорабочих. Разумеется, всё это не могло не сказываться на качественном составе профсоюзного актива горняков. Так, если на предприятиях химической, электротехнической отраслей удельный вес специалистов с высшим образованием среди профсоюзного актива составлял 70–75 %, то на шахтах и разрезах Кузбасса не превышал 40 % [5]. Но и тот кадровый ресурс, который имелся, не использовался в должной мере. Одной из главных причин тому было партийное влияние на процесс ротации профсоюзного руководства, обязательное наличие определенной рабочей прослойки в его составе. Профсоюзные комитеты практически были отстранены от решения этой проблемы, она всецело находилась в сфере компетенции и действия партийных комитетов. На своих заседаниях они обсуждали и утверждали кандидатуры председателей, определяли и регламентировали состав профсоюзных комитетов, в которых удельный вес рабочих составлял 20–25 % и коммунистов 36–40 % [6]. Рабочие выдвигались в председатели профсоюзных комитетов, в состав актива не столько для того, чтобы укрепить и обновить актив (хотя и такое было), а больше для того, чтобы

показать участие рабочих в управлении производством, в руководстве профсоюзами, в развитии социалистической демократии. Коммунисты выдвигались партийными органами не для того, чтобы видеть в них независимых лидеров, отстаивающих интересы трудовых коллективов, а для того, чтобы через них инициировать, контролировать и направлять работу профсоюзов в нужное партии русло.

Перемены в составе профсоюзного актива были продиктованы, с одной стороны, необходимостью преодолеть кадровые наследия сталинизма, а с другой стороны, потребностями изменения содержания и характера деятельности профсоюзов. В отличие от прошлых лет, когда они всецело находились в сфере административного контроля и действия, в исследуемые годы, они стали приобретать некоторую самостоятельность. О том свидетельствует практика заключения коллективных договоров между администраций предприятий, с одной стороны, и профсоюзными комитетами и трудовыми коллективами, с другой стороны. Ежегодно только на угольных предприятиях Кузбасса заключалось около 200 договоров [7]. В процессе их подведения; как правило, заслушивались отчеты руководителей о выполнении договорных обязательств, обсуждались важные социально-бытовые и производственно-хозяйственные проблемы. Однако проведенный анализ показывает, что не все пункты коллективных договоров выполнялись администрацией. Это, как правило, были те пункты, которые не оказывали прямого влияния на выполнение плановых заданий. К таким второстепенным пунктам на большинстве предприятий относились пункты, связанные с улучшением условий труда, совершенствованием системы его нормирования и оплаты.

Получив некоторую самостоятельность во взаимоотношениях с администрацией, профсоюзы, как и прежде, подвергались воздействию со стороны партийных органов. Руководствуясь ленинскими указаниями о профсоюзах, они инициировали не свойственные их сущности и природе

функции, такие как хозяйственные, воспитательные, развитие самоуправления производством. Особенно усилилось партийное влияние в профсоюзной среде в начале 1960-х годов, после принятия третьей Программы КПСС. Программа предусматривала построение коммунизма в кратчайшие сроки, решение целого комплекса социально-экономических задач, в том числе и таких, как сближение граней между умственным и физическим трудом, развитие самоуправления производством, которые прямо или косвенно оказались в сфере действия профсоюзов. Через них партийные органы стали внедрять в трудовых коллективах явно надуманные, инициированные сверху формы соревнования, в частности движение за коммунистическое отношение к труду, самоуправление предприятиями: общественные отделы нормирования, экономического анализа, отделы кадров. Профсоюзные комитеты и организации вместо того, чтобы заниматься своей непосредственной практической деятельностью, вынуждены были сосредотачивать свой кадровый ресурс, материальные средства на организации этих форм соревнования, создании общественных форм самоуправления. Если первоначально производственные и другие коллективы поддерживали эту организационно-просветительскую деятельность профсоюзов, то в дальнейшем, увидев явно надуманный, утопический характер этих форм соревнования и общественных объединений, они стали относиться к ним весьма пассивно, а на ряде предприятий и критически. Подобного рода деятельность дискредитировала профсоюзы, породила негативное отношение к ним и к партийным комитетам со стороны трудящихся.

Период «оттепели» совпал по времени с научно-технической революцией, которая в свою очередь потребовала преобразование и активизацию деятельности научно-технических обществ. За годы сталинизма они понесли ощутимые кадровые потери, утратили возможность самостоятельного творческого действия. Поэтому имевшиеся в СССР инженерно-технические общества были преобразованы в научно-технические, ориентированные на

укрепление связи науки с производством, на поиск и реализацию внутренних резервов ускорения технического прогресса. В стране создавалось 21 отраслевое научно-техническое общество, объединявшее первичные организации предприятий и учреждений соответствующего профиля. Главным координирующим органом стал Всесоюзный совет научно-технических обществ.

Структурные преобразования научно-технических обществ осуществлялись и на местах. В 1959 г. в СССР было создано 29 023 первичных научно-технических общества, объединявших 1 058,7 человека [8, с.457]. Намного сложнее и труднее, чем в центральных регионах страны, осуществлялся процесс преобразования научно-технических обществ в Западной Сибири. Это было связано в основном с двумя региональными факторами, такими как большой дефицит научных кадров и, прежде всего, кандидатов и докторов наук, которые должны были возглавить работу различных советов НТО, и высокая текучесть инженерно-технических работников, составлявших ядро научно-технических обществ на предприятиях. Подобного рода факторы осложняли процесс преобразования научно-технических обществ, вносили в него элементы специфики, своеобразия. Так, если в СССР за 1959–1965 гг. количество первичных организаций научно-технических обществ увеличилось с 29 023 до 58 952, т. е. в два раза, то в Западной Сибири – с 1 516 до 2 575, или в 1,6 раза. Наибольшее количество таких организаций приходилось на Новосибирскую область – 823 (31 %), Кемеровскую область – 711 (28 %) [9], т. е. на те регионы Западной Сибири, где имелись в должном количестве научно-исследовательские и высшие учебные заведения, где сосредотачивались предприятия машиностроительной, химической, электротехнической промышленности, которые обеспечивали разработку и практическое решение научно-технических проблем, а также проблем оборонного, космического назначения.

Преобразования научно-технических обществ, прежде всего, за счет создания отраслевых и первичных советов НТО – с одной стороны, активизация общественно-политической жизни в стране – с другой стороны, оказали положительное влияние на их деятельность. В отличие от прошлых лет она становилась разнообразнее, теснее увязывалась с практическими задачами предприятий, отдельных отраслей промышленности. Так, на предприятиях черной металлургии Кемеровской области в 1965 г. членами НТО было разработано и внедрено свыше 4 тыс. технических новшеств и усовершенствований, обеспечивших экономию трудовых ресурсов и финансовых средств на сумму свыше 4 млн рублей. На предприятиях химической промышленности той же области за время конкурса, проведенного отраслевым советом НТО, поступило свыше 940 предложений, направленных на сокращение вредных выбросов в атмосферу. Практическая реализация этих и других организационно-технических мероприятий позволила: на Кемеровском коксохимическом заводе снизить выбросы в атмосферу и водоемы вредных веществ в общей сложности на 500 т, на Кемеровском азотно-туковом предприятии – на 300 т в год [10]. Поиску резервов экономического роста и технического совершенствования производства способствовали научные, научно-практические, производственные конференции. Особая их ценность состояла в том, что они проводились не только с участием инженерно-технических работников, ведущих специалистов, но и ученых. Концентрация научно-технических знаний, инженерно-технической мысли и практического опыта нередко давали положительный результат. Так, на конференции, проведенной в 1965г. Новосибирским областным советом и отраслевыми правлениями НТО на тему «Пути повышения производительности труда в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности», были разработаны и намечены рекомендации по повышению эффективности

использования техники, оборудования. В результате их практической реализации на предприятиях отрасли было сэкономлено более 2 млн рублей [11].

В условиях «оттепели» деятельность научно-технических обществ видоизменялась, обогащалась новыми формами исследовательского и практического действия, но вместе с тем они по-прежнему находились в сфере партийного контроля и действия и решали не столько поисковые, творческие задачи, сколько выполняли не свойственные их природе мобилизационные функции. В качестве мобилизационных форм воздействия использовались как формы опосредованного, идеологического воздействия, т. е. лекции, обучение в различных общественных учебных заведениях, так и непосредственного воздействия, т. е. различного рода смотры, конференции, конкурсы. Только в 1965 г. на промышленных и других предприятиях Западной Сибири было проведено более 6 тыс. подобного рода мероприятий. Разумеется, не все из них завершались высокими практическими результатами. Поэтому вряд ли сегодня можно согласиться с авторами предшествующих публикаций, которые оценивали работу научно-технических обществ не по результатам разработки и внедрения нововведений, а по количеству проведенных конкурсов, смотров, совещаний и других подобного рода массово-политических мероприятий. Вызывает также возражения и другой критерий оценки работы научно-технических обществ, такой, как передача им функций производственно-технических советов предприятий. Действительно, по данным статистики, подобные функции выполняли в СССР 27 750 первичных организаций НТО, или 47 % от их общей численности, в Западной Сибири этот показатель равнялся 40–45 % [12]. Но приведенные выше данные не подтверждаются соответствующим иллюстративным материалом, показывающим практическое выполнение организациями НТО функций производственно-технических советов предприятий. А это в свою очередь ставит под сомнения

статистические данные, как и выводы авторов о высоком уровне зрелости и действенности научно-технических обществ, выполняющих вышеуказанные функции [13, с. 332-333].

Процесс трансформации общественных организаций в условиях «оттепели» был двояким, с одной стороны, видоизменялись и обогащались в соответствии с требованиями времени действовавшие ранее объединения, такие, например, как профсоюзы или общественные научно-технические организации, а с другой стороны, возникали под воздействием перемен новые творческие объединения. Конкретным доказательством тому может служить создание в 1958 г. Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Попытка его создания предпринималась и прежде, но она ограничивалась и сдерживалась правящим сталинским режимом. Государственная бюрократия ни в коей мере не хотела утрачивать свое влияние и практическое действие в сфере технического творчества производственных и других коллективов, т. е. в той сфере созидательного творчества, где сосредотачивались наиболее многочисленные и разнообразные народные таланты, способные оказывать существенное влияние на техническую модернизацию промышленных предприятий. В условиях прежней мобилизационной экономики, когда широко и повсеместно использовался трудовой энтузиазм, когда доминировали моральные стимулы труда, в том числе и творческого, власть без особых на то финансовых и материальных затрат могла использовать технический творческий потенциал для решения тех или иных производственных или даже народнохозяйственных задач. Практически она отчуждала, а затем и присваивала в пользу государства интеллектуальную собственность новаторов, результаты их творческой деятельности. Поэтому возникавшие в предшествовавшие годы предложения и инициативы рационализаторов по созданию самостоятельного творческого объединения, способного защищать их права, противодействовать бюрократии не получали должной поддержки «сверху».

Начавшиеся перемены в стране, в трудовых коллективах, ослабление действия центральной бюрократии в связи с созданием совнархозов создали благоприятные предпосылки для разрешения назревшей проблемы рационализаторов и изобретателей. Убедительным доказательством тому является создание в СССР в январе 1958г. Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Основу общества составляли первичные организации, действовавшие на предприятиях и учреждениях и возглавляемые выборным советом. Работа первичных организаций осуществлялась под руководством республиканских, краевых и областных советов ВОИР. В Западной Сибири были созданы и действовали, наряду с Алтайским краевым советом ВОИР, четыре областных совета: Кемеровской областной совет ВОИР возглавлял и координировал работу 520 первичных организаций, в том числе 211 – цеховых, Новосибирский – 300, Омский – 254 и Томский – 80 организаций [14]. Становление и утверждение ВОИР осуществлялось в условиях начавшейся научно-технической революции, которая неизбежно повышала требования к труду его участников, диктовала необходимость поиска новых форм технического творчества. На Новосибирском заводе им. Кузмина, шахте им. Кирова, Омском нефтеперерабатывающем заводе из рабочих-новаторов, инженерно-технических работников создавались комплексные творческие бригады, обеспечивающие не только разработку, но и окончательную практическую реализацию тех или иных технических разработок. Подобного рода корпоративные объединения имели явное преимущество перед индивидуальным трудом новаторов. С одной стороны, их участники были способны разработать сложные технические и технологические проблемы, а с другой стороны, обеспечить своевременную практическую реализацию полученных нововведений. Несмотря на очевидное преимущество, коллективное техническое творчество не стало доминирующим. В 1965г. им

было охвачено в среднем 30–35% рационализаторов и изобретателей Кемеровской, Омской и Новосибирской областей [15]. Иначе говоря, подавляющее большинство членов ВОИР занимались техническим творчеством в традиционной индивидуальной форме.

Подобного рода консерватизм, инертность прослеживаются и в других направлениях и сферах деятельности технических творческих объединений и, по всей видимости, это было объективно неизбежно. Поскольку они находились и действовали в той социально-экономической и политической среде, которая лишь избавилась от некоторых одиозных сторон сталинизма, но которая не утратила свою тоталитарную основу, командно-административные методы руководства и управления. В ней по-прежнему широко использовались мобилизационные факторы экономического развития и ускорения технического прогресса. Доминирующее место среди них занимали конкурсы и смотры, различные формы индивидуального и коллективного соревнования, эстафеты, месячники, посвященные юбилейным датам, которые не отличались особой эффективностью практического действия.

Всё это говорит о том, что процесс трансформации общественных организаций в условиях «оттепели» второй половины 1950-х и первой половины 1960-х годов был ограниченным, а в известной мере и противоречивым. С одной стороны, они утратили прямую зависимость от государственных структур, претерпели определенные структурные преобразования и кадровые изменения, расширили и углубили сферу своей деятельности, а с другой стороны, их деятельность, как и прежде, регламентировалась, контролировалась, а часто и инициировалась партийными органами. Последние рассматривали их не как самостоятельные объединения, имеющие свой правовой и другой статус, а как мобилизационную силу для решения тех или иных народнохозяйственных и политических задач.

Список литературы

1. «Бюллетень ВЦСПС», 1957, №22. С.1.
2. «Положение о правах фабричного, заводского, местного комитета профессиональных союзов». М.: Профиздат, 1958. С. 5-10.
3. Центральный архив Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов (ЦА ВЦСПС). Ф. 1. ОП. 11. Д. 26. Л. 41 - 44.
4. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. 794. ОП. 1. Д. 302. Л. 16 –18.
5. ГАКО. Ф. 794. ОП. 1 Д. 276. Л. 40-41; Д.328. ОП. 1. Л 1, 12; Ф. 792. ОП, 1. Д. 53. Л. 96.
6. ГАКО. Ф. 127. ОП. 19. Д. 3. Л. 16 -17; Ф. 15. ОП. 20. Д.1. Л. 109.
7. ГАКО. Ф. 792. ОП. 1. Д. 53. Л. 28.
8. Рабочий класс СССР (1951 –1965 гг.). М.: Политиздат, 1960. 460с.
9. ЦА ВЦСПС. Ф. 464. ОП. 1. Д. 1177. Л. 1- 3; Д. 1313. Л. 42- 43; Д. 1390. Л. 30.
10. ГАКО. Ф. 794. ОП. 1. Д. 409. Л. 37-39.
11. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 1643. ОП. 1. Д. 322. Л. 3- 4.
12. ЦА ВЦСПС. Ф. 464. ОП. 1. Д. 409. Л. 37.
13. Остапенко И.П. Рабочий класс СССР в управлении производством 1956 –1960 гг. М.: Политиздат, 1976. 483с.
14. ГАКО. Ф. 794. ОП 1. Д. 27. Л. 8; ГАНО. Ф. 1672. ОП. 1. Д. 113. Л. 8; Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 1628. ОП. 1. Д. 26. Л. 50.
15. ЦА ВЦСПС. Ф. 464. ОП. 1. Д. 307. Л, 9; Д. 443. Л. 13. Ф. 539. ОП. 1. Д. 1508. Л. 105; Д. 879. Л. 231; Д. 526. Л. 247.

References

1. “Bulletin of All-Union Central Trade Union Council”, 1957. No. 22. P. 1.

2. “Regulation on the rights of the factory, plant, and local committee of professional trade unions”. Moscow: Profizdat, 1958. P. 5-10.
3. Central Archive of All-Union Central Trade Union Council (CA ACTUC). F. 1. L. 11. C. 26. P. 41 - 44.
4. State Archive of Kemerovo region (SAKR). F. 794. L. 1. C. 302. P. 6 – 18.
5. SAKR. F. 794. L. 1. C. 276. P. 40– 41; C. 328. P. 11-12; F. 792. L. 1. C. 53. P. 96.
6. SAKR. F. 127. L. 19. C. 3. P.16 – 17; F. 15. L. 20. C.1. P. 109.
7. SAKR. F. 792. L. 1. C. 53. P. 28.
8. USSR Labor Class (1951 –1965). Moscow: Politizdat, 1960. 460p.
9. CA ACTUC. F. 464. L. 1. C. 1177. P.1- 3; C.1313. P. 42- 43; C. 1390. P. 30.
10. SAKR. F. 794. L. 1. C. 409. P. 37-39.
11. State Archive of Novosibirsk region (SANR). F. 1643. L.1. C. 322. P. 3- 4.
12. CA ACTUC. F. 464. L. 1. C. 409. P. 37.
13. Ostapenko I.P. The USSR labor class in the production management 1956 –1960. Moscow: Politizdat, 1976. 483p.
14. SAKR. F.794. L 1. C. 27. P.8; SANR. F. 1672. L. 1. C. 322. P. 3 – 4; State Archive of Tomsk region (SAT R). F.1628. L .1. C. 26. P. 50.
15. CA ACTUC. F. 464. L. 1. C. 1390. P.13; F. 539. L. 1. C. 1508, P.105; C. 1837. P. 39.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Першиков Анатолий Николаевич, доцент, кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и регионоведения

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Проспект Ленина 30, г. Томск, Томская область, 634050, Россия

e-mail: regionoved@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Pershikov Anatoly Nikolayevich, associate professor, Candidate of historical sciences, chair of history and regionoved

National Research Tomsk Polytechnic University

30, Lenin Avenue, Tomsk, Tomsk region, 634050, Russia

e-mail: regionoved@mail.ru

Рецензент:

Зиновьев В. П., доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой «Отечественной истории» Национального исследовательского Томского государственного университета